

Звёзды со вкусом красной икры

Повесть о современных копирайтерах в стиле метамодерн

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Марченко

Владимир Марченко

Звёзды со вкусом красной икры

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Марченко В. М.

Звёзды со вкусом красной икры / В. М. Марченко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Толя Клименков работает копирайтером на частном столичном сайте, освещающем культурные события и тренды. Всю жизнь он тянется к столу, на котором лежит сладкая жизнь, приправленная успехом, и надеется скоро перестать подбирать крошки. Но реальность жестока и толкает героя во все тяжкие. Он очень ждёт свой «настоящий» журналистский материал и с готовностью погружается в работу, когда на горизонте появляется соответствующая тема. Но вскоре его затягивает в профессиональную мясорубку с сильными мира сего. Выстоит ли герой? Содержит нецензурную брань. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Звёзды со вкусом красной икры	5
От работыдохнут пони	6
Токсичные отношения	11
Мой адвокат	14
Кто придумал понедельники	18
Педадь в пол	22
Корпоративный дух	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Звёзды со вкусом красной икры

И ночной асфальт скоростных дорог

*Променять на прибрежный песок.
Гр. «Технология»*

Меня мутит. Нет, серьёзно, меня просто выворачивает наизнанку. Я стою в мужском (надеюсь) туалете бара на Октябрьской и внушаю себе, что всё в порядке. Воздуха не хватает. А ощущения такие, словно вся кровь вместе с кожей отхлынула от черепа и оголила его бледно-белое основание.

Я не люблю смотреть на себя в зеркало, особенно в такие моменты. Кажется, что тогда извержение неизбежно. Однако в этом треклятом баре зеркала занимают чуть ли не всю стену и краем глаза я всё-таки вижу рукав своей полосатой рубашки и лацканы пиджачка. В зале меня ждёт Вольтер – мой сегодняшний собеседник, такой же бухой, интервью с которым сдавать завтра к обеду. От этой мысли к горлу подкатывает комок бессилия и сжатых в клубок нервов.

Здесь должен быть запасной выход. Я вырливаю из туалета и иду направо, в сторону от зала. Мимо меня проскальзывает удивлённый официант с рулькой под соусом на подносе. Чёртова профессиональная внимательность не подводит меня даже в такие минуты. Я что-то спрашиваю у него, и он кивает в сторону кухни. Миную удивлённо поджаривающих что-то приятно шипящее поваров и оказываюсь у большой двери. Я толкаю её от себя и чуть не падаю в объятия апрельской ночи. Свежий воздух разом бьёт по всем нейронам и слегка отрезвляет.

Вокруг гудит сплошная масса тусующегося народа. Блеск алкогольных даров и купленного на распродаже в Литве лака вызывает у меня лёгкую зрительную галлюцинацию. Кажется, что пространство вокруг заполнили бриллиантовые россыпи. Каждый отдельный вскрик какого-нибудь гуляки заставляет меня вздрагивать. Это из-за того, что я много работаю и очень бурно отдыхаю. Нервы от работы стали совершенно негодными. А ещё их неплохо расшатывает распитие алкоголя с малоприятными и чужими людьми, со своими людьми или просто в одиночку.

Я бреду по пешеходной улочке, проложенной между домами, якобы имеющими историческую ценность, на самом деле являющимися ужасным новоделом и оказываюсь на ярко освещённой стоянке такси. Ныряю в двери на заднее сиденье и молча показываю телефон. Вместо фоновой заставки в виде абстракции у меня стоит скриншот с домашним адресом. Произнести его вслух я просто не в силах.

От работыдохнут пони

Простите, вчера ночью (или сегодня утром) я был слишком опьянён весной и не представился. Я журналист-копирайтер в модном столичном интернет-журнале. В данную минуту я поднимаюсь в лифте на восьмой этаж бизнес-центра класса А++ и слушаю щебет двух девочек из отдела по подбору персонала о том, какие тупые соискатели приходят к ним на работу. Наш бизнес-центр заполнен арендаторами почти под завязку и такие разговоры здесь слышны каждый день. Иногда аналогичное можно услышать по отношению к начальству.

В редакции у нас активно работает человека три. Делает вид, что работает ещё семь. Остальные подрабатывают. Я официально оформлен на какой-то онлайн-магазин с банальным названием вроде rodkipi.by и числюсь редактором-администратором сайта. Оклад – минимально допустимый в стране. Гонорары отдают в конвертах. Всё шито-крыто, все довольны тем, что обманывают ФСЗН и при этом рассчитывают не дожить до пенсии.

У входа сидит Верочка – очень ответственный секретарь по выпуску и просто секретарь редакции. Она дежурно улыбается, я дежурно прикладываю карту учёта рабочего времени. Вере около двадцати пяти и она встречается с крепким автомехаником. Каждый рабочий вечер он забирает её на линейной БМВ с собственноручно установленной аудиосистемой и антикрылом из которой постоянно грохочет «Кровосток». Так что Вера – это не вариант.

За столом уже сидит Глеб – наш новостник. Парень отличный, пить с ним одно удовольствие. Пришёл в журналистику, как и я, – не через журфак. Отучился на маркетолога, потом где-то в Интернете почитал мои статьи и понял, что хочет заниматься новостями. По крайней мере, так он мне говорит. Недавно я узнал, что аналогичную льстивую тираду он выдал нашему Иванычу, когда сидел с ним в баре внизу. Однако Иваныч божится, что в жизни не написал ни одной заметки.

Иваныч. Наш спец по рекламе. Самый старший в редакции, ему уже 38. Занимается контекстом (час в день), орёт по телефону и в электронных письмах на тех, у кого мы размещаем рекламу и лебезит с теми, кто размещает рекламу у нас. Естественно, уже разведён. Платит алименты, поэтому числится где-то на 0,25 ставки и реально работает примерно на столько же.

Распахнуты двери в отдельный кабинет, а значит на месте и наша предводительница – Настя Козиятко. С такой забавной фамилией можно было бы делать карьеру в госСМИ, но она встречается с нашим инвестором и поэтому всем довольна. Хипстер, пьянь и выпускница журфака с красным дипломом. Любит халявные дегустации, мобилки на обзорчики и машинки на тест-драйвики. Упорно употребляет в речи феминитивы и отказывается от фотосессий и интервью для таких же убогих журнальчиков как наш.

Из редакторов никого больше нет. SMM-специалист Оля тихонько щёлкает мышкой. Забавный каламбур тут же возникает у меня в голове – серая мышка щёлкает себя на коврике. Но она единственная кто в это утро рад мне по-настоящему.

– Тяжёлый вечерок?

– Ты же знаешь этого Вольтера, слова не вытянешь. Боюсь, придётся самому дописывать.

- Как всегда, – обнажает жёлтенькие зубки Оля.
- Почти, – обнажаю идентичные по цветовой гамме жевала я.

Достаю диктофон, телефон и включаю комп. Пять писем. Одна благодарность, две рекламы и два проклятия. Скидываю рекламу Иванычу, пробегаю глазами благодарность и отправляю в спам проклятия. Вчера вы, возможно, могли подумать, что я отношусь к своей работе наплевательски. Это не так. Просто вместо того, чтобы описывать политическую обстановку в охваченной новой или просто ушедшей на второй круг гражданской войной Ливии я строчу интервью и «гонзо» репортажи. Про войну в Ливии я, кстати, тоже написал. На другой портал, так что это между нами, ладно?

Начинаю разбирать интервью. Подтягиваются другие редакторы – Кира, Артём и Света, а также наш фотокор Лера. Я вяло машу рукой в ответ на приветствия, уши мои прочно заняты наушниками и слащаво-тормознутым голосом Вольтера. Вольтер – никто. До этого года я вообще не знал о его существовании, но он едет на «Евровидение», а значит становится почти национальным героем, хотя ещё даже не вышел в финал. Приватные похмельные муки накладываются на общенациональные муки от очередного (неминуемо) провала на песенном конкурсе, на который мне, в сущности, наплевать.

Стартовые пять тысяч символов с пробелами я выдаю легко. Дальше начинается спорный кусок. Мы уже порядком подпили (Вольтер пьёт как бык, гомельская закалка) и начались личные вопросы в стиле YouTube-интервьюеров. Про заработки, самоудовлетворение и девушку. Я не совсем уверен, что полученная информация, которая казалась забавной в одиннадцать вечера в баре на Октябрьской, столь же забавно выглядит в 11 утра на отшибе столицы в бизнес-центре класса А++. Надо спросить у кого-то совета.

Зову Киру. Она самая адекватная из нашей шкоды. Журфак БГУ, стажировка в польских СМИ, работа на оппозиционном портале, съёмки с места столкновения двух составов под Новополоцком, поездка в ДНР, пусть и на самый краешек. Кира точно знает, какой должна быть настоящая журналистика, поэтому у нас ей тяжело. Козиятко регулярно вздыхает и нещадно чёркает критические и объективные репортажи Киры. Я прошу Киру высылать мне исходники и учусь у неё стилю и фактчекингу. У нас она потому, что офис её оппозиционного портала был закрыт после обыска, а Настя знала её по бездарным и столь же регулярным ивентам наподобие выставки Tibo.

Кира внимательно слушает, слегка сдвинув бровки. Она прекрасна, без всяких если. Я ей восхищаюсь и неоднократно об этом говорил, но её бойфренд в модной вышиванке является по совместительству прогрессивным и немногословным программистом из ПВТ с заработком в три раза выше моего. Он настолько крутая лошадка, что обойти я её не смогу даже на повороте, прострелив сухожилия. Молодой человек не зовёт Киру замуж, но её всё устраивает. С грустной улыбкой она говорит, что занимается опасной профессией и это правда. Поэтому пусть размеренное течение её жизни ничто не нарушает. Артур её любит, она тоже испытывает к нему чувства. Это она сказала во время моего очередного признания в любви. Лил дождь, был октябрь, мы стояли под карнизом министерства информации, куда нас обоих отправили на семинар «СМИ и современное законодательство». Я был трезв (что уникально), она тоже (что нормально). Поэтому сказанные ею слова прозвучали вдвойне больно. Это было полгода назад.

У Киры есть довольно успешный Instagram-аккаунт с десятком тысяч подписчиков. Правда, посвящён он не экономике и правам человека, а тому, как держать себя в форме после тридцати, занимаясь по полчаса в день. Я спрашивал, зачем ей, настоящей журналистке, такая банальная тема. Она ответила, что имеет с неё больше, чем с любого оппозиционного блога, коих она делала сразу несколько. Я видел, реклама у неё проскакивает, но, разумеется, не в тех объёмах, в которых хотелось бы.

– Про заработки и девушку можешь оставить, – мягко говорит Кира, снимая наушники с головы. – Про частоту и регулярность его самоэкспериментов не ставь, это моветон.

– Спасибо, Кира.

Я действительно ей благодарен. Снова надеваю наушники и теперь по моей лысине десять минут распространяется аромат её волос. Работается в это время быстрее и я легко выдаю ещё 4,5 тысячи символов.

Смотрю на продолжительность записи. Остаётся разобрать десять минут интервью. Успею. Надо пройтись и перекусить. За мной увязывается Артём.

Артём пришёл к нам с технопортала. Того, который аккумулирует на своей площадке интернет-магазины и пишет про аварии с участием БМВ, бабло, игры и недвижимостью. Как по мне, Артём просто дурак. У них там в сто раз лучше, чем тут, хотя парень убеждал меня в обратном. Артём моложе и наглее, чем я, что ещё можно пережить, но он также и лучше пишет. А его копна волос вызывает мою лютую зависть. Правда, он худее, а значит не всё потеряно.

Артём берёт смузи у Александры и Вадима. Это наши кофехолдеры, как я их называю. У них классные улыбки и высокие цены, но выбора нет. В магазин идти лень, а есть хочется. Я беру проверенную глюкозную дрянь вроде круассанов и пепси и плачу за всё это цену, аналогичную стоимости обеденного комплекса в баре «Пума». А это, на секундочку, суп, салат, второе и напиток. Мы возвращаемся.

– Толиииик! – кричит мне Козиятко. – Когда будет Вольтер?

– Через час, – басовито реву я в ответ и снова сажусь за монитор.

Романтика журналистской профессии развеивается довольно быстро. А если ты ещё и ненастоящий журналист, как я, то и подавно. Мне понравилось, как кто-то сказал на YouTube, что нынешний копирайтер – это тот, кто постоянно переписывает Интернет своими словами и продаёт материал новым заказчикам. Со словами у меня проблем нет, я много читаю, но вы должны понимать, что к творчеству копирайтинг имеет мало отношения.

Обычный рабочий день у нас выглядит следующим образом. Я выбираю тему или мне скидывает её Настя. Затем я шарюсь по источникам (желательно англоязычным) и компилирую новую статью в своём фирменном стиле. Затем проверяю её на всяких антиплагиатных ресурсах (чтобы уникальность была не ниже 95%), добавляю слащавые иллюстрации с фотостоков и отправляю Глебу. Он, как самый молодой, расставляет seo-словосочетания и отправляет Насте. Та правит и возвращает мне на публикацию. Я исправляю или дописываю если надо и закидываю на сайт, а потом думаю, чем бы мне занять себя дальше.

Это конвейер. Учитывая, что таких сайтиков только по Минску с десяток, конкуренция бешеная. Выгораешь очень быстро, потом смиряешься и пишешь на автомате. Если совсем не пишется, шлёшь всех на хер и летишь на море. Возвращаешься спокойным и снова впрягаешься в это бесконечное колесо трафик-сансары.

Меня спасают репортажи и интервью. Удалось выбить их для себя, хотя Светочка реально могла обойти меня в этой погоне за контентом. Света – это на один раз и один раз у нас с ней уже был. В «Пуме». Это произошло, когда мы завалились туда, отмечая пятилетие нашего сайта. Приехал Грифон Николаевич (наш учредитель, бизнесмен) и его жена (держит салоны меха в Минске). Светочка окосела от пара бокалов. Она довольно миниатюрная и совершенно не умеет пить. А я был ещё бодр, ну и как-то поднажал. В понедельник обоим было очень неловко.

Я против служебных романов. Есть у меня такой пунктик, ибо романы среди людей частных к медиа недолговечны, как и их посты в ленте у друзей. А ещё это очень отвлекает. Я уверен, что про нас со Светой все знают, и втайне обсуждали. Это нас отчасти и сблизило. Мы втихаря шлём друг другу статьи на вычитку, перед тем как отправить строгой Козиятко, которая закатывает пунктуационный скандал по поводу каждой запятой. Она, скорее всего, догадалась, что мы со Светиком организовали Союз корректоров вместо того, чтобы штудировать по вечерам учебники Розенталя.

Я «добиваю» Вольтера. Шансов на выход в финал главного европейского песенного конкурса у парня нет, это я вижу сразу намётанным взглядом. Однако завершаю интервью шаблонной фразой «Исполнитель Вольтер со своей песней Kalimantan готовится порвать зал в Лиссабоне и устроить настоящее шоу». Закидываю пару более-менее ровных фото с телефона и отсылаю Глебу. Свету, которая исподлобья поглядывает на меня, сидя напротив, я не могу сегодня просить о помощи. Потом свои фотки доставит Лера.

Лера – штатный фотограф, дизайнер, коллажист, баннермейкер и составитель всякой фигни в единой цветовой гамме, которая призвана подчеркнуть наш корпоративный стиль. Мы с ней в паре работаем часто. Ничего плохого о ней сказать не могу – девочка хорошая, подрабатывает на свадьбах и фотосессиях, организуемых её сестрой-промоутером. Зарабатывает в месяц, как я предполагаю, раза в два больше чем я, но и фотки делает классные. Я бы позвал её пофоткать свою свадьбу. Она вчера снимала Вольтера, пока вечеринка не стала приватной и я не отослал её домой.

Всё. Можно сходить на обед. Зову Свету, она отводит взгляд и тихо говорит: «Надо поработать». Беру Глеба. Люблю, когда он болтает, хотя и несёт порой такую херню.

Спускаемся в кафетерий к Вадиму и Саше. Я беру плов (за 4 бакса!), Глеб – пасту болоньезе. После забойных материалов меня здорово пробивает на еду, Глеб же ковыряет вилкой макароны и рассказывает, как он вчера заволок домой студентку из «Пумы». Про его похождения я слушаю краем одного уха. Чужие подвиги мне не интересны, поэтому я реагирую сдержанно. Вновь к диалогу я возвращаюсь, когда Глеб начинает перечислять последние хайповые новости.

Чёрт, новости это определённо его тема! Парень в курсе побольше моего. Например, он сообщает, что Триполи почти захвачен, а следы «Новичка» из Солсбери привели в Бирмингем. Глеб, на мой взгляд, просто прожигает жизнь на нашей тухлой работе. Я намекал, что в Москве

его вместе с креслом уже давно бы выкупил РБК или RT, но он почему-то упорно отказывается. Наверное, для него важно быть причастным к либеральной тусовочке.

Мы возвращаемся. Все как раз разошлись, только Иваныч наворачивает домашних котлеток с пюрешкой. Желаем ему приятного аппетита и садимся за мониторы. Интервью уже читает в Google Docs Настя, её розовый курсор застыл на середине текста, а сама она, наверняка, побежала на randevу к Грифону Николаевичу. Статус любовницы сопряжён с массой побочных трудностей, одной из которых является полное отсутствие нормального распорядка жизни.

Помогаю Глебу с обзором новостей за неделю. Делаю отметку в Trello, что часть ревью сделал я (это влияет на гонорар). Команда потихоньку возвращается с обеда. Настя скидывает интервью с правками, пока я печатаю для своей халтурки про смену власти в Казахстане. Последнее (выдуманное мною) шаблонное предложение, естественно, вычеркнуто. Пока то да сё, наступает полпятого вечера. Офис накрывает всеобщий расслабон. Я нахожу клёвую тему «Пять заведений Минска, которые лучше не посещать никогда» и прошу у Иваныча список рекламодателей, которые отказались давать у нас рекламу. В списке их оказывается штук 50, но я отбираю самые трешовые заведения и сбрасываю Насте для утверждения. Та лениво ставит большой палец вверх, а значит на понедельник у меня появилось дело.

Оставшееся время валяю дурака в Интернете, закидываю постик в Фейсбучек и заигрываю со Светой. Она хихикает, пятничное настроение окутывает и её. Хочется её куда-то позвать, но вы же помните, что я против служебных романов. Кроме того, есть ещё одно препятствие. О нём, точнее о ней, я расскажу позже.

Первым срывается Иваныч. Желает всем приятного уик-энда. Я от души желаю ему того же. Потом ретируется Глеб. Тоже с пожеланиями. Ну и так далее. Я продолжаю бессистемно читать в Интернете то слова песни «И снова третье сентября», то про новые версии гибели группы Дятлова, то список из десяти лучших сериалов лета, ибо планов на вечер пока не имею, к тому же у меня снова начинает болеть голова. Когда тебе за 30 пить гораздо сложнее, чем когда тебе 20. Особенно негативно сие сказывается на мозговой деятельности. Меня спасает только мой исключительный профессионализм.

Последней из «рабов» уходит Оля. Она специально подходит ко мне и желает классно отдохнуть. Я плююсь на её каре и улыбаюсь. Надеюсь, искренне и открыто и даже успеваю напомнить ей, что в кино в эти выходные будет премьера очередной серии её любимых оттенков серого. Она просто расцветает и благодарит с удвоенной энергией.

Я заглядываю к Козиятко. Она делает вид, будто ещё что-то доделывает и, не поднимая глаз, напоминает мне про собрание в понедельник. Я желаю ей хорошего вечера, спускаюсь, миную кафетерий и плюхаюсь на заднюю площадку только подъехавшего автобуса.

На два дня я должен быть абсолютно свободен от слов.

Токсичные отношения

Я вываливаюсь из автобуса в районе Новой Боровой. Это модный и яркий микрорайон, хотя мне он не нравится своим псевдопафосом, фальшивыми улыбками его обитателей и обилием керамогранита. Здесь обитают большие белые акулы, которые думают, что ухватили жизнь за причинное место и по достоинству наслаждаются её благами. Меня успокаивает только то, что в нашей стране за решётку могут отправить кого угодно и когда угодно, что делает улыбки жильцов данной локации скорее нервными.

Дома ждёт Ирка Примакова. Мы вроде как живём вместе, хотя мои чувства к ней давно остыли, а у неё ко мне вряд ли было что-то большее чем, «хах, забавный парень и знает много». Но кое-что всё-таки осталось. Мне нравится её профиль, я балдею от того, как она говорит по-испански и от водопада волос цвета палисандра, которые некогда представляли собой длинную косу. Когда мы появляемся в компании и я отблёскиваю своей лысиной, сразу доносятся шуточки про то, что у Ирки волос припасено на двоих.

Когда её спрашивают, чем она занимается, Ирка всегда говорит что фрилансит. Я же всегда отвечаю, что она занимается херней. Она немного печёт торты на заказ, немного делает смешных зверьков из фетра, немного ведёт свой трэвел-блог и немного Instagram с обзором столичных рюгаловок-кофеен. Я говорю, что ей ещё нужно освоить «ногти» и тогда она будет отражать собой полный комплект современной фриланс-бутафории. Ирка – прекрасный редактор, здорово пишет и знает несколько языков, но оставила хороший портал и теперь интровертит дома. Это не могло не отразиться на её характере.

Одно из основных занятий Ирки – талдычить мне про то, как прекрасно быть вольным художником. Какая она тут сама себе хозяйка, как успевает сходить на пилатес, зайти в кофейню, смотаться в центр, заехать к маме и посетить выставку собак. И это всё за то время, пока я спокойно рерайчу под кондиционером весёлые переводы. Я не спорю, плюсов у фриланса хватает, вплоть до того, что она может условно херачить своих фетровых лисят и оленят под пальмами Гоа и там же набирать текстики для женских ресурсов. Но она тактично умалчивает о неоднократных случаях кидалова, а также о тех двух славных осенних месяцах, когда смущаясь и нервно заламывая руки, просила у меня денег на материалы для игрушек. Честно говоря, тогда я впервые испытал странную шовинистическую удовлетворённость от того, что моя женщина не может себя обеспечить.

Мы с Иркой друг друга стоим – два странноватых невротика, сошедшие на иллюзорном единстве интересов. Ну и сексуальном влечении с моей стороны, разумеется. Которое, как вы знаете, в лучшем случае живёт два года, а у меня едва продержалось 365 дней. Ирка – бревно, да ещё и с нулевым размером груди (что вообще является бедой современных девиц), и с этим я ничего не могу поделать. Нет, конечно, можно было бы профинансировать операцию по увеличению груди или что-то в этом роде. А вот с тем, что она бревно я точно ничего не могу сделать. Может и могу или, как сказали бы феминистки по любому другому поводу, «должен», но я уже не хочу. А если я не хочу, заставить меня может только хорошо смазанный автомат, приставленный ко лбу.

Вместе мы выбираемся куда-то в лучшем случае раз в неделю. В основном это из-за моей занятости и бесконечных подработок. Но у Ирки есть с кем ходить. Компанию ей составляют

такие же «успешные» и «независимые» подруги. Многие из них либо с журфака, либо надёжно укрыты финансовым крылом бойфрендов-программистов и могут заниматься «ресничками» и «переводиками». Какая-то добрая душонка шепнула Ирке о моих средних гонорарах (либо я сам сболтнул ей по-пьяни) и теперь она с гордостью заявляет, что зарабатывает больше меня, живя в своё удовольствие. Она не знает о моих эпизодических доходах от подработок, но в целом мы имеем почти одинаковые суммы в месяц. Одинаково маленькие, уточню я.

Вообще, с экономической точки зрения, я против того, чтобы двое минчан снимали в родном городе квартиру не будучи в браке. Да ещё в таком пафосном районе, как Новая Боровая. Но в арендную кабалу мы с Ирккой ввязались больше двух лет назад, когда наши отношения и чувства казались нерушимыми как Великая китайская стена. В итоге мы подписали договор аренды на три года с невероятной неустойкой за досрочное расторжение. И теперь просто назло хозяйке и друг другу вынуждены жить с видом во двор и на окна других таких же счастливиц.

Мне сигналият ещё до того, как я переступаю порог подъезда. Звук издаёт кредитная «тойота» и её недра исторгают Валеру – директора креативного агентства «Зефир продакшн». Валера молод, подтянут и переходит от рукопожатий сразу к делу.

- Нужен текст.
- На тему?
- Про перспективы малоэтажной жилой застройки.
- В Беларуси у неё нет никаких перспектив. А что твои?
- Да все заняты, а ты ведь работал на портале, связанном с недвижимостью.
- Ага, целых два месяца. Сколько и когда?
- На 10-12 тыс. знаков, до понедельника.
- Дай до вторника.
- Ладно.
- Что по деньгам?
- Ну, как обычно.
- Нет, Валера, – мотаю я головой. – 50.
- Ого, ставки растут. Ладно, буду ждать.

Мы идём в подъезд, толкая друг друга в шутку плечами.

Ирка, конечно, дома. Что-то мастерит. Вяло улыбается в ответ на мой поцелуй в щеку. Я врубаю «Евроныйс» и открываю ноутбук. Проверяю посещаемость своих статей и прикидываю гонорар. Работать сегодня больше не хочется.

– Соня зовёт к себе, – тихо говорит Ирка.

– Ты бы подумала, – откликаюсь я. – У неё, кажется, перспективный стартап.

– Не знаю, я так отвыкла от этих офисов, людей.

Начинается, думаю я. Эти вечные метания и поиски творческого человека. Ирка настолько погрязла в декадансе, что даже не замечает его.

– Тебе нужно продолжать повышать квалификацию. А это возможно только в коллективе. Ты разве забыла, как хорошо общаться, обсуждать статьи и скидывать друг другу весёлые картинки?

Ирка молчит. В последнее время извлекать из неё слова мне приходится клещами. Стараюсь не брать это на свой счёт, но всё равно становится неприятно от её показного пофигизма к моим советам и рекомендациям. Ирка уверена, что плывёт единственно верным курсом и не должна обращать внимания на всяких неудачливых худосочных мужчин.

Незаметно начинаю писать дружбанам в Вайбере и зову выпить. Первым откликается мой лучший друг и по совместительству мой адвокат Андрей. Договариваемся встретиться через час в баре у «Дана Молл».

– Я в бар, – говорю я Ирке и ухожу.

Мой адвокат

В Беларуси у любого уважающего себя журналиста должен быть личный адвокат. Даже если вы не пишете о политике и экономике. Мне в этом вопросе повезло, ибо первичную защиту мне позволяет осуществить моё юридическое образование, а дальше в дело вступает Андрей. Два дела мы уже успешно выиграли, разрушив обвинения в недостоверности изложенных сведений и обвинения в причинении ущерба деловой репутации.

Мы дружим ещё со школы, многое прошли вместе и немало повидали. По моему твёрдому убеждению, к 30 годам число твоих настоящих друзей стремится к нулю и тогда начинаешь дорожить каждым человеком. Андрей именно тот человек, которым стоит дорожить. Мы понимаем друг друга с полуслова и при этом нам всегда есть о чём поговорить.

Взять ту же Ирку. Вначале всё было радужно и мы не могли наговориться во время коротких встреч. Спустя год я стал замечать, что человек она, в общем-то, довольно ограниченный и её интересы не так уж совпадают с моими. Общаться мы стали меньше, словно через силу выдумывали темы для разговоров, а затем и вовсе пересказывали то, о чём раньше беседовали, добавляя не имеющие значения подробности. Я стал терять нить новостей из её жизни, а ей стало наплевать на мои достижения и неудачи. Не знаю, о чём разговаривают люди, женатые даже пять лет, за исключением бытовухи и тех проблем, которых у них не возникало бы, если бы они жили поодиночке.

Поэтому моей единственной нескучной любовью остаётся журналистика. Только она предполагает живое любопытство и регулярный интерес ко всему происходящему. Кое-какими постулатами журфака я согласен – жизнь подтвердила. Журналист на работе всегда. Нельзя быть журналистом с 9 утра до 18 вечера и спокойно откладывать недописанный материал. Ты должен быть всегда готов. Среди моих знакомых таких людей очень мало. В первую очередь это, конечно, Кира.

Ремесло же копирайтера при сопоставимых гонорарах отличается более тепличными условиями. Адаптация чужих текстов из Интернета тоже требует определённого мастерства и конкуренции с тысячами таких же умников, решивших легко пройти по жизни. Здесь побеждает сильнейший. Или такой середняк как я занимает выгодную нишу и болтается в ней, как известная субстанция в проруби.

Иногда, конечно, нужно выдавать и нечто уникальное и неповторимое. Тут слабаки обычно тухнут. Всё-таки интеллект у вас должен быть повыше, чем у божьей коровки, если вы хотите выдавать привлекательные для аудитории нативные тексты, а не просто подборку чужих мыслей и исследований. И здесь в дело вступают законы рынка. Большинство авторов и авторок не вписываются и потом плачутся в «телеге», что для копирайтера 800 баксов в месяц – это потолок заработка. Ну максимум косарь. Но я лично знаю людей, которые за 300 долларов даже не смотрят ТЗ. А тексты у них при этом выходят «ну такое себе». Просто ребята умеют продавать в первую очередь себя.

Хороший копирайтер знает, как уйти от ответственности за написанное. Интернет-издания в этом отношении гораздо выгоднее печатных. Меня поймали всего два раза, обычно я успеваю изменить текст ещё в те секунды, пока мне высказывают обоснованную претензию в

письменном виде. И плевать на его скриншоты. Написанное электронным «пером» вырубается даже не топором, а изменяется от дуновения ветерка.

В той же юриспруденции, например, всё не так. Там документы – это почти Библия. Я сам был свидетелем того, как солидные компании обрушивались из-за пропущенного слова или неверно поставленной запятой. Как упоминание должностных лиц во всяких протоколах и уставах в течение часа превращало счастливую семью в рыдающую вдову, хныкающих детей и бледного главу фамилии, которого уводили из зала суда во внутренний дворик КГБ. Закон выступает мерилом всех ценностей человека. И если ценности эти начали подгнивать, то карающая рука Фемиды непременно опустится на его плечо.

Все эти мысли роем проносятся в моей голове, пока я потягиваю первый бокал в ожидании Андрея. Он скоро входит в это шумное многоголосие проходного бара и, уверенно поигрывая портфелем, спешит ко мне, попутно заказывая лагер.

Мы перебрасываемся дежурными новостями. Когда бокал Андрюхи становится наполовину пуст или полон в зависимости от вашей экзистенциальной принадлежности, а я уменьшил на треть второй, он доверительно наклоняется ко мне:

– Сегодня ко мне обратился клиент. Хочет судиться с Минздравом по поводу тендеров. Он считает, что результаты были подтасованы и сингапурская вакцина выиграла нечестно.

Андрей вопросительно смотрит на меня. Это у нас что-то вроде игры. Он закидывает тему и ждёт моей реакции для продолжения или перехода к другим темам. Информация лишней не бывает. Если вы журналист, вы должны знать понемногу обо всём. Даже о неинтересных на первый взгляд тендерах. Никогда нельзя знать заранее, что и когда вам пригодится и как аукнется.

– А что не так с сингапурской вакциной?

– Говорят, лицензии на её использование в Беларуси нет.

Я прикидываю, что можно раскрутить из этой новости и кому из моих нанимателей она может оказаться полезной. Пока отчётливо не видно ни то, ни другое. К тому же Андрей повязан адвокатской тайной и сообщить всё не сможет. Если честно, голова в этот пятничный вечер не варит вообще. Я говорю ему, что буду иметь в виду.

Мы продолжаем соревноваться в скорости поглощения алкоголя. Бар представляет собой огромный бурлящий желудок. Люди вбрасываются в него через левые двери и, пройдя процесс обработки алкогольным соком, удаляются через правые двери. Свежая артериальная «кровь», смесь и громка крича, входит через левые двери, а венозная, вялая и сонная, утекает через правые.

Гул меня угнетает. Все эти пятничные гуляки, наполняющие минские заведения, вселяют в меня тихий ужас бессмысленностью своего времяпрепровождения. Я циник и зануда, смиритесь. Я зарабатываю жалкие гроши не самой достойной работой в мире, но я люблю её и мечтаю сделать настоящее журналистское дело. Явить миру аналоги «панамских бумаг», пошарить фонариком по своему «Уотергейту», обвинить «Фольксваген» в занижении выбросов на своих автомобилях.

Жизнь большинства сегодняшних пятничных гуляк проста и понятна: рождение, кое-какая учёба в школе, отвязное студенчество, автомобиль, работа в офисе А-класса, хештег #устал, женитьба, рождение детей, кредитная квартира, новая машина, накопление детям на учёбу (хештег #цветыжизни), ожидание внуков, дача, смерть. Если в этой матрице происходит сбой, человек попадает в центрифугу переживаний, выбраться из которой он уже не в силах. У меня этот сбой произошёл на стадии «женитьба», поломав дальнейший расклад. Я женат на своей работе и ради неё устраиваю беспредел.

Мы перемещаемся в другой бар, где почти всё то же самое. Он выдержан в моём любимом стиле отечественного дизайна: «сгорел сарай – гори и хата». В том смысле, что если уж у дизайнера сразу не получилось сделать всё единообразно, то можно назвать получившееся эклектикой, схватить гонорар и больше никогда сюда не возвращаться. Деревянные входные двери с матовым стеклом. Барная стойка из массивного тёмного дуба. Кованые скамейки с вензелями и прозрачные столы из толстого стекла. Голова зубра, держащего табличку «Туалет» над входом в уборную. Затянутые в чёрные платья и колготы официантки и тошнотворный запах неоднократно пролитого и прокисшего пива. И, конечно, моя любимая живая музыка из еле научившихся перебирать по струнам отчисленных студентов и ладненькой тёмноволосой певички слегка за 25. Сквозь её белую блузку отчётливо прослеживается бордовый лифчик.

Я встречаю коллегу по одной из прошлых работ, выпиваю с ним. Затем мы снова уходим. Новое заведение – новый бокал. Диафрагма мира сжимается у меня на глазах. Вспоминаю вечер с Вольтером, затем вторник, до этого субботу. Ощущение бессмысленности становится невыносимым и даже ощущается на языке медным привкусом полураспада. Как обычно говорит в таких случаях мой друг «нет никакого смысла в том, чтобы пить. Но так же нет ничего мудрого и в том, чтобы не пить». Распрощавшись с коллегой, ядвигаюсь к маяку света, который представлен новеньким отелем, выстроенным к чемпионату мира по хоккею в Минске.

У нас вообще не принято находиться в отелях, если ты местный. Вроде как минчанам там делать нечего и бары только для постояльцев. Но это не так. В Западной Европе зарулить в отельчик и посидеть там за стойкой не считается чем-то непривычным. К тому же, в силу незнания этой особенности функционирования столичного гостиничного комплекса, там действительно почти никогда не бывает «наших» и можно спокойно посидеть, а если повезёт, то даже послушать убаюкивающую иностранную речь.

В этот вечер я случайно натякаюсь на представителя британской табачной компании, посетившего Минск по делам, и мы начинаем спонтанный диалог, комментируя демонстрируемый по ТВ сюжет «Евроныйс». Затем я спрашиваю, как ему Минск и первый ли раз он в Беларуси. Британец исправно шпарит, я киваю, хотя мозг с трудом выполняет функции синхронного переводчика и с ещё большим трудом формулирует вопросы и комментарии на английском. Джон говорит, что ему нравится наше пиво. Я отвечаю, что он специально так говорит из британской вежливости. О, нет-нет, машет руками Джон, я говорю от чистого сердца. Я всё равно не верю завсегдатаю баров в Челси.

В этом отеле шикарный туалет. Тут всегда так роскошно пахнет и никогда никого нет. Мне кажется, самое главное в любом туалете – это отсутствие других людей и горный аромат освежителя воздуха. Не представляю, как древние римляне могли сидеть во время *этого* и обсуждать судьбу Империи. Я выхожу наверх и прощаюсь с Джоном. Я не помню, в какой момент вызвал такси и показал водителю экран телефона. Когда я прихожу, Ирка уже спит. На

часах 1-37. Я иду в душ, о котором мечтал с утра (с прошлого душа) и меня снова крутит так, словно я падаю в вертолёт Ми-8. Я спокойно укладываюсь на «гостевом» диване и засыпаю.

Кто придумал понедельник

Внимательный читатель спросит, почему же я пропустил свои выходные? О, друзья, поверьте, мои выходные не интересны от слова совсем. Спал я до 11 утра (что немудрено после такого забега по «последней миле» – то есть по всем барам в зоне доступа). Потом с трудом прибирался (мы с Ирккой договорились, что убираемся вместе в субботу с утра, чего бы это ни стоило). Я протирал пыль на верхних полках и боялся смотреть вниз с высоты два метра. Иначе просто рухнул бы вниз, настолько мне было херово. Потом мы заказали пиццу. Затем я творил для подработок, Ирка что-то щёлкала для Инстаграма. Ближе к вечеру смотрели какой-то тупой сериал, обнявшись по привычке. Потом меня обрубил (сказались два бурных вечера).

Воскресенье прошло немногим лучше. С той разницей, что встал я раньше, не убирался и много читал про революцию 1917 года. Смотрел новости и печатал. Как всякий средний журналист, живущий на форсаже собственного честолюбия, я мечтаю издать книгу. Работать над ней приходится по остаточному принципу, ибо в остальное время я занят служением золотому тельцу и его идеалам. Незаметно снова наступил вечер, и мы с Ирккой уединились за закрытыми шторами от любопытных соседей по кварталу Новая Боровая. Затем обсуждали будущее наших отношений (это происходит каждое воскресенье). Решили дождаться конца аренды квартиры и тогда поставить точки над ё.

Помню, как один знакомый копирайтер рассказывал однажды о своих буднях. Просыпается он обычно в шесть утра. Однако ворочается ещё примерно час. Затем достаёт мобилу и с полчаса сидит на сайтах с liveness. Получив заряд, бежит в душ, потом на ходу ест сардельку и выбегает уже опаздывая в офис. Он работает в крупной оптовой компании и ему надо добираться за кольцевую. У него проездной на два вида транспорта, но он прыгает в маршрутку либо вовсе вызывает такси, тратя свои копейки и впритык к девяти утра прибывает в офис. Первые два часа он работает как заведённый, потом у него начинает болеть голова, он обедает, кое-как комкает остаток дня и спешит домой. Забегает в «Корону» за трёхой пива и проводит вечер в окружении YouTube и кота. Выпив, его посещают идеи о книге, стримах и музыке. Он полон энергии и уверен, что завтра у него всё получится. С этими мыслями он бухается в кровать в полодиннадцатого и... наутро всё повторяется. Так что мои выходные – это ещё ничего по сравнению с его буднями.

Когда я поднимаюсь на восьмой этаж нашего бизнес-центра класса А++ Верочка уже делает мне знаки глазами. Значит, все собрались. Слышу приглушённый голос Грифона Николаевича и кокетливый смех его любовницы, моего главреда Настеньки. Появление учредителя в офисе – плохой знак. Он никогда не хвалит нас лично, но при разносах не может отказать себе в удовольствии.

Мы здороваемся за руку. Вообще, Николаич, как и большинство представителей аналогичных медиа – большой либерал. Вся их либеральная тусовочка полагает, что журналистам нужно давать больше свободы и при этом обязывает набивать подписоту в соцсетях на личных аккаунтах и репостить там свои статьи с места работы. Они все ненавидят власть, что особенно усилилось после «дела Belnews» и используют любой, даже самый грязный инфоповод, чтобы поддеть министров.

Из пишущих не хватает только Артёма. Шалопай опаздывает, но Грифон Николаевич спокоен. Опоздания входят в его шорт-лист либеральных поблажек. Наконец, проходят Артём с Верой. Вера ведёт полную стенограмму наших совещаний и потом отправляет всем звуковые файлы. Руководство ввело это после регулярных отмазок, в том числе и с моей стороны: «я забыл», «мы это не обсуждали» и «я это понял так».

Грифон встаёт и поправляет дорогой итальянский пиджак. Наш сайтик для него – побочка. Трибунка для либерального мецената новой волны бизнесменов. Интересы у него совсем другие и деньги там вращаются немалые. Мы же, как мне известно от Насти, едва покрываем рекламой наши гонорары. Но она может и врать.

– Друзья! Как вы знаете, посещаемость нашего портала...

Ясно. Грузить вас этой стандартной ахинеей о низкой посещаемости, плохой «генерации трафиков» и оттоком рекламодателей, я не буду. Смысл всех этих бесед сводится к тому, что журналисты плохо пишут, читатели сплошь неплатёжеспособные идиоты, рекламодатели борзят, аренда офиса тоже влетает в копеечку. О том, что этот постоянный информационный шум, частью которого мы также являемся, всех задолбал – ни слова.

– ...поэтому мы решили усилить «живые» репортажи (я напрягаюсь). Нам нужно больше уникального контента (я непроизвольно закатываю глаза). Чаще посещать выставки, ивенты, конференции, мероприятия, даже дискотеки (звонили из 80-ых, просили вернуть слово). Поэтому от тебя, Толя, в первую очередь, в союзе с Лерой, жду больше уникалов. Ваши совместные работы всегда вызывают интерес, ты хорошо пишешь (спасибо, конечно), она хорошо снимает (что есть, то есть).

О чёрт, в этот момент я вспоминаю про Валеру и статью о малоэтажной застройке. Кровь отливает от моих красных щёчек (последствия месячной пневмонии) и я застываю. Грифон, думает, что меня так шокировали его инновации:

– Ну-ну, Толя, не стоит так переживать. У тебя всё получится.

Я что-то благородно мямлю в ответ, прикидывая, за сколько я успею написать про застройку. За вечер должен успеть. Проклятое честолюбие! Время, которое я тратил на никому может быть не нужную книгу, придётся навёрстывать ближе к ночи ради 50 баксов.

И вообще-то на сегодняшнем собрании должны были обсуждать иные вопросы. Настя уже пару месяцев назад намекала, что зашивается и ей нужен заместитель. Ну про «зашивается» это она пусть Грифону утром за кофе рассказывает, но от повышения я бы не отказался. Надоело переписывать одни и те же «Десять лучших безвизовых стран этого лета» и «Как намайнить свой первый биткоин». Тем более, что конкуренции в редакции у меня практически нет.

Да, Кира могла бы. Но, во-первых, Насте не нужен зам лучше и умнее её. А во-вторых, Кира тоже вскользь говорила о том, что ждёт возобновления работы своего анти-портала и сразу свалит обратно. А Светка слишком парится по поводу всего, из-за этого у неё перманентный гастрит и плохое зрение.

Обсуждаем ещё немного текучки и расходимся. Я плюхаюсь в кресло с поддержкой моего застарелого сколиоза и слабой шеи. Начинаю писать. Работаю чисто на автомате (на профессионализме, как я это называю). Как ни удивительно, статья «Восемь самых недооценённых достопримечательностей Минска» выходит лучше, чем когда я якобы пишу под воздействием вдохновения. Учитесь, копирайтеры.

Вечером у меня встреча. Потенциальное интервью. Журналисты тут же скажут «фууу, кто же так готовится». Я. Я прихожу на встречу с человеком, и мы общаемся. На всякий случай диктофон бесстрастно пишет всё, что есть. Если на выходе я вижу интерес, спрашиваю разрешение на публикацию и печатаю. Мой сегодняшний герой – Кристинка, новая молодая рэперша из Кобрина, чей клип хайпанул пару месяцев назад и теперь она «раскручивается». Еле удалось договориться.

Встречаемся в одной из бесконечных кофеен в центре Минска. Она сидит с каким-то чуваком в кожанке, который неодобрительно смотрит на меня и жмякает свою «зайку» за талию. Я с порога извиняюсь, отлучаюсь в соседний магазин, покупаю чекушку водки и переливаю её прямо в бумажный кофейный стакан. Заказываю себе сока и таким образом становлюсь счастливым обладателем прекрасного коктейля «отвертка». По-другому общаться с этими «звёздами» я не могу.

– И вот потом, когда подписчиков на канале стало больше ста тысяч, со мной связался кент из Минска и предложил записать клип на студии.

– Это Жора, да? – спрашивает у «зайки» «кожанка».

– Да, Жора.

Этот господин (автомеханик, как я уже выяснил) постоянно переспрашивает у Кристиночки какие-то малозначительные детали из-за чего расшифровка записи у меня завтра займёт минут на сорок больше, чем обычно.

– Чё думаешь делать дальше, пойдёшь на ТВ?

– Нет, думаю останусь в формате Ютуба. Всё-таки там я чувствую творческую свободу, могу оставаться собой и писать то, что мне нравится.

– Сколько ты заработала за прошлые полгода?

Кристинка тушуетя.

– Ой, ну я не считала. Если с рекламой... Тысяч восемь.

– Долларов?

– Хмх, естественно, – поддакивает автомеханик.

– Альбом выложишь на Apple Music?

Молчание. Общение с этим поколением вкусивших успеха 20-летних торчков доставляет мне неземное удовольствие. В кавычках, разумеется. Я не понимаю их, они не втыкают в меня. Наше издание позиционирует свою целевую аудиторию как «20-25», поэтому мне особенно тяжело. Я хочу как Кира («это временно, я развлекаюсь»), но не могу. Захвачен в плен Интернетом и поработан трендами.

Нет, вообще интервью получается. Со скрипом, но оно выходит. Для той аудитории, для которой оно предназначено, всё каеф. Можно даже этого барана прямо так и вставить с его идиотскими уточнениями. И заголовок наклеивается: «Кристинка о себе, просмотрах, проблемах и славе (+вся правда о ней и бойфренде)». Не, херня какая-то. Отдаёт журналами Cool и «Один дома», которые из сидящих в этой кофейне помню только я.

– Блиц. Кофе или смузи?

– Смузи.

– Монеточка или Гречка?

– Обе безголосые.

– Греция или Испания?

– Италия.

– Пройтись пешком или проехать на машине?

– Машина, конечно (Сеня расцветает и непроизвольно смотрит в окно, где блестит лаком его чёрная «бэха»).

– И последнее. Узнав, что завтра твой последний день, что ты сделаешь?

– Я возьму все деньги, выйду в центр и устрою дождь из бабла, а сама буду голая лежать в ванной из шампанского.

Большая что ли?

Педадь в пол

Бросаю Насте интервью ближе к обеду. Она вызывает к себе. Значит, что-то не так, когда всё хорошо редакторки отделиваются коротким «ок». Если разговор долгий и нудный, зовут к себе, чтобы не печатать долгие пассажи.

Я присаживаюсь. Настя вздыхает и смотрит мне прямо в глаза:

– Интервью, конечно, своевременное, но никакое. И дело не в тебе, а в ней, конечно. Надо бы его немного облагородить.

Я не понимаю о чём речь. Точнее, делаю вид, что не понимаю:

– Настя, ты осознаёшь, что без нас они – никто? Что это мы четвёртая власть над их судьбами, узнаваемостью и лайками? Она нам даже не платит, так пусть все видят, какая она дура.

– Ты ошибаешься, Толя. Тебе, как человеку, который пришёл в журналистику не с парадного входа, это простительно. Просто времена изменились. Газета или сайт не оказывают сильного влияния на персону либо оказывают всё равно ей на пользу. Просто потому, что одинаково много стало и тех, и других. Власть над умами девальвирована. Иногда даже не ты им нужен, зачем, а они тебе. У них Ютуб, Инстаграм, телега, подписота, а ты кто? Охочий до чужих грязных трусов журналист или копирайтер-переписчик? Не напишешь ты, напишут другие. И притом напишут лучше.

Умная она всё-таки, Настя. Хороший редактор, но всю её полезность я пока не могу до конца понять по той простой причине, что влез в журналистику через задний проход и блат.

– Сделай, чтобы было красиво, а? – улыбается Настя.

Я соглашаюсь и понуро бреду на своё место, провожаемый взглядом Оли.

...Это было, кажется, в середине июня. Я тихонько скроллил журналистские вакансии, пока моя начальница Елена читала экспортный договор. Закрывая окошко, я шумно вздохнул.

– Чего стонешь? – спросила Лена.

– Да вот, хорошая вакансия есть для автора статей, но нужен или опыт работы, или образование.

– А что за контора?

Я назвал.

– Я знаю человека оттуда. Он работает кем-то вроде замдиректора. Если хочешь, могу познакомить.

После этой фразы моя жизнь изменилась навсегда. Было ещё много технических моментов. Вначале резюме. Затем собеседование в здании напротив дома, где живёт Андрей, что я расценил как добрый и многообещающий знак. Потом тестовая статья про пароварки. В общем, всё пришло к тому, что 30 июля 2012 года вышла моя первая статья на сайте. А подработка на агрегаторе интернет-магазинов, помогающем покупателям совершать хорошие приобретения, растянулась на долгие три с половиной года.

Так я и попал в интернет-журналистику. Для кого я потом только не писал, иногда даже (страшно сказать) бесплатно. Обзоры, расследования тайн и загадок, трэвел-гиды, продвижение изотонического напитка, садово-огородный портал, новости для президентской администрации. Нельзя точно подсчитать, сколько звёзд на небе, сколько песчинок на пляже и сколько символов я воспроизвёл на цифровой имитации бумаги.

Мои воспоминания прерывает Валера. Я вчера корячился ради этих 50 баксов до часу ночи. Почти дописал, но ещё нужны выводы и самостоятельная вычитка. Пишу Валере в Viber, что всё под контролем и сажусь добивать выводы. Интервью с Кристинкой остаётся преть на рабочем столе. Я едва успеваю написать что-то для нашего сайта и прошу Глеба прикрыть. Тот соглашается и перебивает новостями ленту. Вроде всё хорошо, всё чудесно.

Скидываю окончательный вариант Валере. Самый тревожный час в жизни любого журналиста – вычитка редактором или заказчиком, вашим рабовладельцем. От напряжения я начинаю пристукивать кроссовком. Светка поднимает глаза, но я показываю ей – всё ок. Чтобы расслабиться, начинаю сочинять ответы Кристинки. Получается почти роман. Тут отвечает Валера: «норм, беру». Я смотрю на часы. Стучит в телегу Настя. Я отвечаю что-то про вдохновение и обещание доделать завтра. Она отделяется коротким «ок», что потенциально отодвигает мои замредакторские амбиции. А у вас так не бывает: вроде не видишь человека, но чувствуешь его эмоции даже будучи разделённым несколькими слоями гипсокартона?

Узнаю, что Вольтер не попал в финал «Евровидения». В принципе, с такой песенкой это неудивительно. Да и вокальные данные его связок, опухших от криков после приёма алкоголя, оставляют желать лучшего. Ну ничего-ничего, мысленно утешаю я парня, будешь петь теперь на «Дожинках» и празднованиях 500-летия того или иного райцентра. По крайней мере, стабильная аудитория из зевающих БРСМовцев и стареющих доярок ему обеспечена.

Я стремительно выбегаю из офиса едва минутная стрелка на наших механических часах переваливает за 12 после шести. На улице я полной грудью вдыхаю заключительный майский ветер и сам себе говорю: «И это только вторник».

Я сижу в убогом и столь же пафосном баре в самом что ни на есть центре Минска. Он стилизован под помещение больницы, что уже трудно назвать удачным решением. Официантки пошловатенько одеты как медсёстры, много белого кафеля, приборы приносят в громяхующих металлических суднах. Ножи похожи на скальпели, водку наливают из шприцев с точностью до миллилитра, а над барной стойкой крупно выведено «Скорая помощь». Роль подсветки выполняют лампы как в операционной, есть пара коек «с капельницами» и «лаборатория для анализов-туалет».

Для буднего дня здесь на удивление шумно и несвободно. Студенты из числа «золотой молодёжи», строители-плиточники, менеджеры по продажам, программисты, бармены – все сливки интеллектуального общества. Я приткнулся к краю стойки и потягиваю коктейльчик, не

снимая солнцезащитных очков. В трудодни я много не употребляю, это негативно сказывается на работе на следующее утро.

Главное в таких местах не нарваться на какого-нибудь знакомого. Всё-таки иногда нужно оставлять время для самого себя и обходиться безо всяких ассистентов. В этот раз насладиться покоем не удаётся – активно работая плечами ко мне продирается «кожанка», крепко держащая за руку Кристинку. Я ведь до сих пор не знаю его имени, грустно думается мне.

– Привет! А ты чего здесь? По работе или так?

– Вроде как и по работе тоже, – отвечаю я, пожимая руку кожанке, который улыбается мне как бабуин. – Нас не представили в прошлый раз.

– Сеня, – бурчит громила.

– Толя, – в унисон отвечаю ему я.

– Мальчики, давайте выпьем, – говорит Кристинка.

И мы пьём. Я беру пиво, ибо с местными ценами на коктейли я долго не протяну, а пиво сегодня, по случаю буднего дня, есть и белорусское, что обычно автоматически означает дешёвое. Кристинка небрежно тыкает наманикюренным лимонным пальчиком в «Секс на пляже», Сеня берёт пятьдесят грамм водки.

– А когда выйдет моё интервью? – хлопая глазками, спрашивает Кристинка.

Вообще она миленькая, но на её периферийную ограниченность уже наслаивается слой псевдопопулярности, отчего она безумно кокетничает.

– Думаю, завтра-послезавтра.

– Здорово! У меня до вас было всего два интервью. И это так весело!

Не могу разделить её щенячий оптимизм, к тому же к стойке протискиваются какие-то малолетки, которые спрашивают, та ли самая она Кристинка. Получив утвердительный ответ повизгивают и лезут за своими дешёвыми «Сяоми», чтобы сделать селфи.

Я невольно поворачиваюсь к Сене.

– А много за статьи платят? – титановым басом спрашивает он.

– Хочешь подвинуть меня с единоличного Олимпа?

Этот бычий взгляд не выражает, кажется, ничего.

– Ты попробовать хочешь или как?

Сеня почему-то смотрит на свои руки.

– Да не, я просто спрашиваю. У нас в Кобрине если ты безрукий делать вообще нечего. А даже если с руками всё равно как-то никак.

Эх, Виктор Степанович, не дожили вы до тех времён, когда ваши тайные последователи разлетятся по всей Руси великой, по всему экс-СССР. Я говорю:

– Ты пока выпей немного, Сеня. Расслабься. Напрягает тебя наша сумасшедшая столица?

– Да, я ведь вообще в деревне вырос, – оживает Семён и движением заправского столичного кутилы показывает бармену, чтобы тот плеснул ещё. Он извлекает из кармана смятую десятирублёвку и смачно хлопает ей по стойке. Парочка хипстеров испуганно оборачивается, я злорадно улыбаюсь им в лицо.

– Я тебе так отвечу: выше головы не прыгнешь, старик. Я стараюсь писать много и хорошо, а потолок всё равно есть. Ты лучше в айтишники иди.

– Не, ну сколько?

Я набираю на калькуляторе в телефоне сумму и показываю.

– Это в долларах?

– Побойся Всевышнего, Сеня. Рубли, конечно.

– Не, ну так-то нормально. Сидишь, печатаешь себе по восемь часов и привет. А я корячусь под раздолбанными «Жигулями» и «Фольксвагенами» и света белого не вижу.

Хочется и мне рассказать Сене, какой свет вижу я, проведя на своей железной заднице 8, а то и 9 часов за плохоньким экранчиком двухлетнего ноутбука. И как усиленно заталкиваю геморройные шишки туда, откуда они вылезли. И как спина болит. Нет, парень, ничего этого ты не услышишь. Пусть я останусь в твоих глазах столичным прожигателем жизни.

– О чём секретничаете, мальчики? – возвращается к нам Кристина. – Зайчик, я забыла куртку в машине, не сходишь?

Сеня слезит с барного стула с неповторимой медвежьей грацией и так, что кажется в метре от меня сходит селевой поток высотой метров 10. Он улыбается и шествует к выходу. Толпа перед ним просто расступается.

– Встречаешься с ним? – спрашиваю я Кристинку.

– Иногда, обычно нет, – смеётся она. – Вот продюсера найду и в Москву уеду рэповать, на хер он мне там нужен будет? У тебя, кстати, нет продюсеров свободных?

– Немного было. Могу отсыпать по-дружески. Оставь свой телефон.

– Пиши в Вайбере. А тот этот цербер бесится, когда мне мужчины звонят. Ревнивый.

Сеня возвращается. Мы пьём. Расставаться с ними не хочется, но мне и вправду пора. Всё-таки Ирка дома, какими бы токсичными ни были эти отношения. Я прощаюсь с новыми попутчиками своей жизни и выхожу к стоянке такси.

Корпоративный дух

Мы выезжаем на корпоратив. Вы мне, конечно, не поверите, но я мастер классных корпоративов. Все, кто хоть раз ходил со мной на вечеринки, в один голос говорили впоследствии, что это стало одним из самых ярких событий в их серой жизни. И в особенности это касается моих танцев.

По традиции, корпоратив «Меридиана» проходит на даче Грифона Николаевича. Ну как «на даче». Только очень искушённый миллиардер может назвать этот трёхуровневый коттедж с беседкой и баней «дачей». А припаркованный «каен» Николаевича особенно антуражно смотрится на фоне «пежо» Артёма, «БМВ» Глеба (прямоком из 90-ых) и аккуратного «матиза» четвертого поколения, принадлежащего Насте.

Закупаемся мы в гипермаркете на выезде из города. Я незаметно отлучаюсь в туалет с бутылочкой слабоалкогольного яблочного джин-тоника и незамедлительно осушаю её. Затем выхожу, уже повеселевший, и начинаю складировать побольше алкоголя. Тележка жалобно поскрипывает, но я неумолим – корпоративы у нас проходят нечасто, «дачные» всего один-два раза в год, поэтому подготовка следует масштабная. Девочки скромно берут сок, а я киваю пацанам на сушёную рыбку.

Наши поехали все. Правило корпоратива простое – никого ехать не заставляем, но остающиеся работают в офисе. Иваныч традиционно остаётся «на базе» на правах дежурного и человека, находящегося в возрасте «ну куда мне там с вами молодыми тягаться». Если обнаружится что-то экстренное, Николаич незамедлительно доставит наиболее трезвого сотрудника на место для написания статьи. Грифон пьёт только после 23-00 и только виски (и, подозреваю, только в компании Козиятко), поэтому вечер пятницы у него начнётся ещё не скоро. В отличие от меня.

Я запрыгиваю в тачку к Артёму (они с Глебом бросили жребий и сегодня за рулём он). К нам я запикиваю Верочку и зову Светку. Но Светка садится к Насте и берёт Олю. Кира с Лерой прыгают к Николаичу. Ничего-ничего, девушки, вечер только начинается.

Я продолжаю с 0,75 литрами пива и открываю Верочке «шейк». Мы ревём «кто сказал, что любить друзьям нельзя. Наблюдать издалека». Ехать не очень далеко, но я не могу приехать трезвым. Грызём чипсы и начинаем прикалываться. Я выдаю какие-то дикие истории, Артём посмеивается за рулём, Глеб хохочет, а Вера так прямо висит у меня на плече, обессилев от дикого смеха. Я и сам смеюсь и вообще чувствую как лицо краснеет.

Мы залетаем во двор, и я начинаю хлопотать вокруг алкоголя. Готовить я не люблю и не умею, шашлыками важно занимается сам Николаич, девочки режут зелень и овощи, а Артём с Глебом носят дрова, ищут мангал, потом ищут уголь, потом вспоминают, что забыли купить розжиг, вызываются сгонять в магазин и уезжают. Лерка фотографирует, Кира на правах «особого» сотрудника вытягивает длиннющие ноги в шезлонге и хочет «отдохнуть пару минут от городской суеты».

Всё это меня интересует мало. Я достаю из кармана аккуратно сложенное бледное знамя, на котором отпечатано «Журналистская корпоративная территория» (ЖКТ), намалё-

вана печатная машинка и дорисованы две перекрещенные бутылки. Сверху громоздится что-то вроде шляпы с воткнутой ручкой. Это наше знамя, и я за него в ответе. Полк может быть уничтожен в неравной схватке с алкоголем, но знамя полка должно всегда реять над беседкой. И я, как представитель бессмертного полка, должен обеспечить его сохранность.

Правильно расставить алкоголь на корпоративе – это искусство. Ничто не способно столь легко разрушить настроение как не вовремя попадающаяся под руку бутылка с пивом, вечно не находящая кола или опрокинутый дорогой виски Николаича. К счастью, рука у меня в этом вопросе набита и я перетаскиваю весь алкоголь к беседке. Сразу понимаю, что вот эта бутылочка «Хайнекена» лишняя, её не удастся пристроить. Приходится её открыть и черпать вдохновение по глотку.

Я выволакиваю переносной холодильник и укладываю на дно пиво похуже. Затем кладу средний пивас и завершаю композицию первоклассными напитками. Бегу и закидываю в основной холодильник пакетики с водой, которые скоро превратятся в лёд. Прячу вино от солнца в выкопанной ямке, укладываю водку в тот же основной холодильник. Ставлю в тенёк виски. Набираю ледяной воды из колодца и ставлю туда «шейки». Несколько полторачек пива достаиваются чести быть спрятанными в винограднике. Ночи ещё холодные, в самый раз. Соки просто расставляю по центру стола беседки и сажусь отдохнуть.

Возвращаются Глеб с Артёмом. Они уже успели накатить и радостно несут розжиг Николаичу. Ко мне в беседку подсаживается Кира и приходится налить ей вина. На запах прибегает и Лерка. Я внимательно слежу за костром и бегу проверить, как там дела на кухне у Насти, Верочки, Светки и Оли. Через полчаса можно начинать приготовление к аперитиву. Ну, может через 35 минут максимум.

Я болтаю с Киной о журналистской этике и постоянно стараюсь приобнять Лерку. Та сопротивляется. Я наливаю ей ещё. Кира ойкает и просит притормозить. Я в ответ предлагаю ей белого вина, она смеётся. Звонит таймер, а значит пора готовить аперитив.

Для себя, Глеба, Артёма и Николаича я извлекаю четыре бутылочки «Короны Экстра». Бегу ополоснуть лимон, аккуратно разрезаю его и наношу поверх горлышка лимонный сок. Затем элегантно присыпаю солью горлышко и выставляю в ряд. Кире делаю «Калимочо» покрепче, Лерке – чуть послабее. Верочке и Светке делаю «Калифорнийский винт», а Оле с Настей – «Рашен виски». Чёрт, забыл вовремя достать «мартини» из холодильника, но ничего.

Гордо несущие салаты девчонки подходят аккурат в тот момент, когда я убираю всё стола – остатки лимонов, стираю сок и смахиваю соль. Николаич торжественно предлагает всем начать мероприятие, хотя у меня уже неплохо шумит в голове, Лерка слишком громко смеётся, а Артём с Глебом постоянно подталкивают друг друга и поглядывают на Верочку. Я не менее торжественно поднимаю бутылочку и благодарю хозяина за радушие. Моему заразительному примеру следуют остальные, и мы дружно чокаемся.

Первая порция комплиментов достаётся мне. Девушки говорят, что «такого вкусного коктейля я сроду не пила», парни в шутку заявляют о том, что «не знали, что так «Корону» надо пить». Несколько минут я чувствую себя котом, которого гладят на самом ярком солнышке и чешут за ушком. Я король этой алкогольной беседки, это правда.

Начинается вымученно-принуждённая беседа. Никто не знает, о чём говорить и постепенно в диалогах начинает превалировать работа. Николаич внимательно слушает, рассчитывая узнать то, о чём обычно не слышит. Хрен там! Я изо всех сил сбиваю людей в другие разговоры и постоянно напоминаю, где какой алкоголь запрятан. Я не работаю барменом на корпоративе, с меня только аперитив и общая расстановка сил. Ах да, и ещё знамя.

После холодной закуски все начинают более оживлённо беседовать с соседями. У меня это Верочка и Светка. Я уже минимум в десятый раз спрашиваю у Светки, что её надоумило пойти на журфак. Она отмахивается и постоянно повторяет «задолбал». Мы с ней во время корпоративов впадаем в какую-то лихую одиозность по отношению друг к другу. Наверное, это всё из-за того случая. Я-то в принципе не против был начать с ней встречаться, но она сделала вид, что ничего нет.

У Верочки я спрашиваю про планы на жизнь, не забываю обновлять её бокал и регулярно подносить ко рту бутылку с пивом. До «среднего» пива остаётся совсем немного – Глеб с Артёмом накачивают тоже очень активно. Настя смеётся деланным смехом, Кира соблазнительно улыбается и поправляет волосы. Почти не видно только Олю, которая скромно хлопает водку и лишь глядит на всё горящим взглядом.

Николаич торжественно приносит румяные шашлыки, которые мы встречаем дружным возгласом. Насыщенные алкоголем желудки немедленно требуют взять мясо, и шампуры разлетаются с поразительной быстротой. Для понижения градуса я через силу запикиваю в рот куски. Все хвалят Николаича, я из ревности молчу, лишь изредка киваю.

Затем начинается время настольных игр. Журналисты, если кто не знает, играют в «кродила» и «элиас». Здесь возникает парадокс – я эти игры люблю, но только когда употреблю свою порцию и в то же время мне становится сложно объяснять слова, со мной никто не хочет быть в паре. Оля соглашается, наверное, только из жалости.

Время летит. Мы веселимся и не забываем «подчислять». Спустя часок-другой Николаич уходит к машине и ставит музыку. Это мой звёздный час. Я допиваю последнее «среднее» пиво и устремляюсь на газон. Адская смесь из тектоника, диско, брейка и хардстайла вырывается из меня как джинн из бутылки. Ко мне вначале подтягиваются Глеб с Артёмом, а затем Светка, Вера, Кира и остальные. Энергия танца, исходящего из меня, больше похожа на непрерывный взрыв радуги.

Я вхожу в некое подобие транса. Возможно, именно поэтому шаманы так любили пляски у костра. Вначале они раскуривали свои эксклюзивные травы, а затем входили в дэнс-экстази. И получали в итоге лучших представительниц племени, между прочим. На сегодня для меня такой является Верочка. Правда, я уже вижу острую конкуренцию в лице Глеба и Артёма, но остаюсь уверен в себе. Я временами отлучаюсь в туалет и уже потихоньку употребляю средней прохлады пиво из заныканных полторашек. Одну приходится достать и открыто положить в холодильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.